
Борис ХОСИД

* * *

Архимандриту Тихону

Однажды, словно выйдя за порог,
Вселенную увидишь ты у ног.

Точнее так: она внутри тебя
Дрейфует наподобье корабля.

Там в черноте вкрапленья хрустала.
Не разобрать, где вертится Земля.

И ты глядишь на космос сверху вниз,
Как будто голубь, севший на карниз.

В себе откроешь клеточку Христа,
Всё видевшего с высоты креста.

И ничего сильнее Слова нет.
Оно и есть тот первородный свет,

Тот, о котором ведает монах,
Живущий в келье в бденьях и постах.

Его молитвы — с Господом пиры.
На них встают и рушатся миры.

* * *

Якову Борисовичу Хасиду

Что-то тянет часто в Могилёв, —
Не в могилу, вовремя в ней буду, —
Будто слышу крови дальний зов:
Дедушка и род его оттуда.

Заезжал давно на пару дней,
Ухватившись за командировку,
Окунуться в ауру корней,
Несмотря на то, что полукровка.

Борис Владимирович Хосид родился в 1962 году в Ленинграде. Печатался в журналах «Нева», «Звезда» и других периодических изданиях. Автор книги стихов «Свидетель» (СПб., 2013).

Беларуси мягкая земля
И живым, и мертвым — всяким рада.
Первый раз по городу гулял,
Вспоминая, что здесь был когда-то.

* * *

Я в осени счастливый эмигрант,
Небесные слышны мне перезвоны.
Вновь, причастившись, деревья горят,
Как свет, идущий из окна иконы.

На год напиться золотой водой.
Щемяще расставанье на перроне.
Природа умирает, как святой, —
Без вздохов и мучительных агоний.

Листвой процежен воздух и горчит.
Под куртку лезет цепкая прохлада.
Под горлом снова сердце не стучит —
Я счастлив так, что большего не надо.

* * *

Жизнь с каждым днем прозрачней и короче.
От осени никак не отвертеться.
Потом зима, конечно, «злые ночи»,
За ними смерти маленькая дверца

Туда, где ждет суровая расплата,
Ведь грешен так, что негде ставить пробы.
Мне райских кущ не светят ароматы,
И я молю из глубины утробы:

Помилуй мя, помилуй, Боже правый!
Я так привык к Твоей любви, поддержке.
Прости за все дурманы и отравы
И, словно пса, оставь на передержке.

* * *

Время — привередливый портной,
Создающий новые модели.
Нет проблем с материей любой,
И оно идет упорно к цели,

К идеалу, гладкому, как шелк,
Чтоб сказать: мгновенье, ты прекрасно!
Но Господь промолвил «хорошо»,
Глядя на творенье, не напрасно.

Можно карты долго тасовать —
Прежнюю останется колода.
Совершенна только благодать,
Что с плеча иного небосвода.

* * *

Тот свет, что мановением руки
Господь вложил мне в сердце, как лампадку, —
Бесценный дар, спасенье от тоски,
Сжимающей нам горло мертвой хваткой.

Молю Тебя, Всемилостивый Бог,
Не погаси тот свет до дня кончины,
Чтоб на Своем Суде заметить мог
Внизу, во тьме, души моей лучину.